

А. Л. Цитрон

**72 дня первого русского
парламента**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Л. Цитрон**
72 дня первого русского парламента / А. Л. Цитрон – М.: Книга по Требованию,
2017. – 176 с.

ISBN 978-5-518-01888-4

ISBN 978-5-518-01888-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лись къ народу—и этотъ вѣрный шагъ ихъ былъ соприсчисленъ къ великой «смутѣ», которая царитъ на Руси.

«Смута»: такъ называется русская революція.

Семьдесятъ два дня представители народа пытались работать, но не могли. Однимъ кровавые призраки не давали для работы покоя, другіе старались не видѣть этихъ призраковъ. Одни видѣли, что ничто не измѣнилось, что врагъ свободы готовится отнять ее, другіе говорили и дѣйствовали такъ, какъ будто мы уже десятилѣтія обладаемъ прочнымъ свободнымъ строемъ.

И эти семьдесятъ два дня были бы безцѣльны, если бы не протянулись изъ этого Дворца невидимыя нити и не связали бы крѣпко народа съ народными представителями.

Актъ великой россійской драмы превратился бы въ актъ комедіи всемірной исторіи съ весьма посредственными лицедѣями. Теперь, послѣ вступленія, продолжавшагося семьдесятъ два дня, настаетъ драма, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ самъ народъ!

Исторія предоставляла избранникамъ народа великую роль, но часть не сѣмѣла ее выполнить, часть отъ нея отказалась.

Народъ беретъ теперь свое дѣло въ свои руки...

Метнутся теперь испуганныя тѣни и спросятъ: «что это смута?»

— «Нѣтъ,—скажутъ имъ,—это революція».

Печатаемая ниже письма—впечатлѣнія журналиста за эти семьдесятъ два дня жизни Думы.

Авторъ печатаетъ ихъ въ скромной надеждѣ, что онѣ послужатъ его посильнымъ даромъ для памяти о Думѣ, если не о «Думѣ великихъ дѣлъ», то все-таки о Думѣ искреннихъ и честныхъ стремлений.

Ал. Цитронъ.

Августъ, 1906.

Теріоки.

„La Doyma est morte
Vive la Doyma!“

27-ОЕ АПРѢЛЯ.

День прошелъ въ какомъ-то чадѣ.

Я былъ съ толпою у Зимняго дворца, былъ съ членами Думы въ Георгіевскомъ залѣ, на Высочайшемъ выходѣ, слышалъ тронную рѣчь, видѣлъ какъ разыгрывались всѣмъ уже извѣстные историческіе моменты, и поѣхалъ въ Таврическій дворецъ, на первое засѣданіе перваго русскаго парламента.

«Первое засѣданіе перваго русскаго парламента!»

Я въ сотый разъ повторяю эти слова, и кажется мнѣ, что отъ 27 апрѣля 1905 года до 27 апрѣля 1906 года, т. е. до сегодняшняго дня, прошелъ не одинъ лишь годъ, а цѣлый вѣкъ.

Мнѣ вспоминается банкетъ, на который я случайно попалъ года полтора тому назадъ, въ одномъ крупномъ городѣ на Югѣ. Говорились, конечно, рѣчи; тосты слѣдовали за тостами. Одинъ изъ ораторовъ какъ-то вымолвилъ слово «конституція». Господи! Какая тишина вдругъ воцарилась въ залѣ. У всѣхъ тревожно забѣгали глаза, и, кажется, одна мысль моментально промелькнула у всѣхъ: «а нѣтъ ли здѣсь «шпиеа?»»

Одинъ почтенный общественный дѣятель, «семидесятникъ» вышелъ изъ зала. За нимъ улизнулъ редакторъ либеральной газеты...

А теперь!.. Теперь я говорю свободно о русскомъ парламентѣ. Говорю громко и даже могу подойти къ околоточному и спросить его, какъ нужно пройти къ Таврическому дворцу. И онъ не сведетъ меня въ участокъ... Наоборотъ, онъ любезно скажетъ:

— Вамъ въ парламентъ-съ? Пожалуйста на Шпалерную-съ... Потомъ увидите дворецъ... и т. д.

Я даже пишу о русском парламентѣ и знаю, что мой цензоръ не только не вычеркнетъ моей статьи и донесетъ на меня куда слѣдуетъ, а прочтетъ ее, вздыхая, и съ грустью посмотреть на свой красный карандашъ.

Но перейду къ событіямъ, которыя «обязанъ» описать.

Странное, удивительное чувство! Мнѣ кажется, что все мое существо переполнено одною мыслью: какъ можно точнѣе во-братъ въ себя впечатлѣнія этого торжественнаго дня. Меня захватила какая-то огромная волна, которая несла меня. Всепоглощающее наблюдательное чувство захватило меня и я машинально двигался за толпой, ходилъ изъ одного зала въ другой, поднимался по пышнымъ высокимъ лѣстницамъ, обитымъ ковромъ, мимо розовыхъ пажей, ловкихъ адъютантовъ, разлагающихся генераловъ, декольтированныхъ дамъ...

Я сдѣлалъ только нѣкоторыя замѣтки въ своей книжечкѣ еще до входа во дворецъ. Все остальное передаю по памяти. Я не забылъ ничего: если чего-либо и не передамъ, то лишь потому, что считаю это не особенно существеннымъ.

Чтобы понять многое изъ происшедшаго, впечатлѣніе отъ тронной рѣчи на народныхъ представителей и тѣхъ отвѣтныхъ словъ, которыя впослѣдствіи были высказаны въ адресѣ депутатовъ, надо немного остановиться на настроеніи въ депутатской средѣ, создавшемся въ теченіе послѣднихъ дней.

Послѣдній съѣздъ партіи и его резолюціи явились господствующимъ элементомъ во всѣхъ симфоніяхъ, разыгравшихся въ теченіе нынѣшняго дня. То, что вынесло большинство парламента изъ зала Тенишевскаго училища, гдѣ засѣдалъ съѣздъ, было внесено и на приѣмъ во дворецъ и на первое засѣданіе въ Думѣ. Надо сюда прибавить и настроеніе полтораста крестьянъ, рѣзко и крайне настроенныхъ съ Аникинымъ, Аладынымъ и Жилкинымъ во главѣ, и настроеніе небольшой группы правыхъ, увидѣвшихъ свое полнѣйшее оди-ночество и оторванность.

Съѣздъ рѣзко реагировалъ на основные законы, которые онъ считалъ открытымъ вызовомъ народному представителю-

ству, и въ день 27-го апрѣля члены его среди которыхъ было около сотни депутатовъ, находились въ состояніи полнаго напряженія. Хотя П. Н. Милюковъ сказалъ при закрытія сѣзда, что сѣздъ выказалъ себя силою уже по одному самообладанію, съ которымъ онъ отнесся къ изданію основныхъ законовъ, тѣмъ не менѣе, яркое, негодующее чувство иррибировалось. И оно-то и подсказало вечеромъ того же дня парламентской фракціи ея образъ дѣйствій 27-го, утромъ и днемъ.

Крестьяне—большая часть депутатовъ—были также рѣзко настроены и это помимо тѣхъ крайнихъ рѣшеній, которыя принимались крестьянской фракціей и уже сами по себѣ поддерживали въ нихъ своего рода боевое настроеніе. Обиды послѣднихъ дней, мелочные обыски, разгонъ собраній, въ которыхъ принимали участіе многіе депутаты,—все это безъ толку раздражало людей, сознававшихъ, что они посланы народомъ для установленія свободной жизни.

Утромъ, 27-го, мѣры принимались такія, какъ будто ожидалось какое-то нашествіе. Горечь наполняла душу при мысли, что даже теперь нельзя дать выходъ чувствамъ. Старыя традиціи строя, лежавшаго въ прахѣ, вѣяли отъ всѣхъ этихъ ненужныхъ «мѣръ», принятыхъ заботливой опекой—администраціей. Какой-то враждебный страхъ передъ истинной народной силой, наслѣдственный, ничемъ не оправдываемый, подсказалъ бюрократіи всѣ эти мѣры, только безплодно и бесполезно раздражавшія и огорчавшія все и всѣхъ. Старый порядокъ съ холоднымъ расчетомъ цѣплялся за послѣдніе остатки бюрократической власти и жалкими демонстраціями,—потому что все это было одной лишь демонстраціей бюрократіи—старался кому-то что-то внушить...

Однако, былъ отданъ, повидимому, приказъ полиціи «быть вѣжливой».

— Наша бюрократія умѣетъ лучше творить чудеса, чѣмъ Моисей,—говоритъ мнѣ, смѣясь, мой сосѣдъ справа, депутатъ. объясняетъ свои слова:

— Моисей ядовитаго змѣя умѣлъ превратить въ посохъ,

а наша бюрократія однимъ словомъ превратила полицейскихъ въ вѣжливыхъ людей. Чудотворцы!..

Дѣйствительно, полиція вѣжлива до приторности.

Иногда забудется городской и съѣздить по загривку про-
бывающагося впередъ локтями рабочаго или крестьянина, но
сейчасъ же опомнится и сконфуженный отойдетъ отъ побитаго
«гражданина».

Народныя толпы съ утра вливаются по боковымъ улицамъ
въ Невскій, который превратился въ какое-то море людское.
Обычная, глазѣющая толпа теперь преисполнена какого-то осо-
баго чувства ожиданія и торжества. Сегодня *народный* празд-
никъ, праздникъ побѣды!

Толпа текла къ Александровскому саду.

Теперь ее только отгѣснили сначала назадъ, а потомъ из-
бранныхъ пропускали немного дальше, къ южной сторонѣ
дворца.

Представитель одной большой иностранной газеты умница и
увлекательный собесѣдникъ, говорилъ мнѣ: «дорогой коллега,
я сочувствую борьбѣ вашего народа, я понимаю ее... Но, но
положеніе обязываетъ... Помните у Шиллера? «Идеи легко
уживаются одна съ другой, но *факты* крѣпко сталкиваются
въ пространствѣ: гдѣ одинъ занимаетъ мѣсто, тамъ другой
долженъ уступить. Кто не хочетъ быть прогнаннымъ, тотъ
долженъ гнать самъ». Нашъ старый канцлеръ сказалъ, что
есть право силы, но не сила права... Во всякомъ случаѣ я
счастливъ, переживая ваше молодое увлекательное движеніе».

Со всѣхъ подъѣздовъ дворца подъѣзжаютъ приглашенные.
Министры, члены государственнаго совѣта, дипломаты, воен-
ные... Сколько золота на мундирахъ! Точно всѣ эти санов-
ники хотятъ наглядно доказать депутатамъ, что не все то
золото, что блеститъ...

Площадь кишитъ народомъ.

Передъ дворцомъ гренадеры, лейбъ-казаки, атаманцы
верхомъ.

Мы, журналисты, въ числѣ 40 человекъ, подъѣзжаемъ къ

министерскому подѣзду. Встрѣчаютъ насъ съ парадомъ, но и оглядываютъ довольно пытливо. Возлѣ насъ вертятся какіе-то ловкіе джентльмены, толкаясь среди насъ и вѣжливо извиняясь.

— Приѣдетъ ли Родичевъ, Петрунkevичъ и другіе?—этотъ вопросъ волнуетъ насъ всѣхъ. Ихъ присутствіе не лишено поучительности... Вѣдь имъ-то было сказано о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ».

Неожиданно я встрѣчаю здѣсь во дворцѣ, среди журналистовъ, одного представителя социалистической печати.

— Вы-то какимъ образомъ?—спрашиваю я его.

— Наблюдаю... Наблюдаю исторію нашего полупереворота. Въ томъ-то и горе наше, что онъ все шатаетъ, но ничего не разрушаетъ. Онъ своими попытками только раздражаетъ сторонниковъ и ожесточаетъ противниковъ существующаго порядка. Онъ потому не сумѣетъ ничего создать, что ничего не смѣетъ.

— Однако-жь, освободительное движеніе дошло до того, что мы съ вами здѣсь гости, и не безъ почета... А вотъ глядите...

Мимо насъ идутъ депутаты. Вотъ Кучеренко, Бей, Романюкъ, изъ Подольской губерніи, солидно выступаетъ одинъ мулла въ бѣлой чалмѣ, за нимъ священникъ въ расѣ. Чинно идутъ жирные упитанные депутаты монархисты: небезызвѣстный Ерогинъ, Гейденъ, графъ Потоцкій, Стаховичъ.

Цѣлый часъ, начиная съ полудня идутъ избранные. Залы полны народомъ, который шумитъ и жужжитъ, какъ пчелы въ ульѣ...

— Дворцовый комендантъ! Дворцовый комендантъ!—дается вдругъ оживленный шепотъ.

Всѣ оборачиваются. Въ залъ входитъ знаменитый Треповъ.

— Вотъ этотъ правилъ страной!—выражается неволью, съ изумленіемъ, у каждаго изъ насъ.—Вотъ этотъ лысый человекъ, съ безстрастнымъ лицомъ полицейскаго?...

Комендантъ что-то тихо сказалъ, придворные лакеи замерли, и церемоніймистеръ объявилъ: «благоволите пожаловать въ Георгіевскій залъ». Толпа затихла и тронулась.

Я не стану описывать торжества, которое благодаря специфическимъ условіямъ, походило больше на церемонію. Воочию можно было видѣть всѣ яркіе контрасты, весь этотъ позолоченный блескъ, всю небольшую кучку, такъ высоко поднявшіеся надъ всей многомилліонной Россіей.

На описаніе всего блеска у меня не хватитъ ни таланта, ни подобающаго воодушевленія. Скажу одно: чувствовалось, что сердца размягчены, что всѣ, если не вѣрятъ окончательно, то хотятъ вѣрить.

Законодательныя палаты стали по обѣимъ сторонамъ трона, и отсюда раздалось слово, гдѣ они были названы лучшими людьми!

Да, лучшими! Исторія запишетъ это названіе!

Когда окончилась церемонія, народныя представители вышли изъ дворца, и большинство изъ нихъ сѣло на пароходъ, чтобы по Невѣ проѣхать къ Думѣ.

У дворца народа не было. Его держали гдѣ-то за аркой, за Невой. Мостъ былъ разобранъ. «Близость народа», это пока только риторическая фигура.

Когда показались народныя представители, толпы, стоявшія на правомъ берегу, пришли въ волненіе. Раздалось «ура»! Оно перекатывалось, гремѣло... Откуда-то сбоку уже у Дворца показались группы народа... Бросаютъ шалки вверхъ. Депутаты кланяются.

Пароходъ на Невѣ. Много народа на немъ. Машутъ платками. Это пароходъ съ народными представителями. Быстро бѣжитъ онъ, словно въ спасительную пристань.

Вотъ зданіе «Крестовъ», учрежденіе, гдѣ распинаютъ идею свободы. Ближе и ближе пароходъ. Представители народа волнуются. Изъ мрачной тюрьмы показываются руки, платки, флаги. «Амнистія» — несется изъ тюрьмы. «Амнистія» — радостно подхватываютъ народныя представители.